

Тори
Фу

НИКОГДА
НЕ ЗАБЫВАЙ.
КЕМ ТЫ БЫЛ.
КОГДА БЫЛ
СЧАСТЛИВЫМ

Слышишь
моя
минутка

Тори Ру

Услышь мою тишину

<https://litres.ru/74214832>

Аннотация

Один необдуманный шаг - и рухнул мой мир. Я пыталась сбежать в никуда, но на этом пути встретила друга.

Книга издана в бумажном варианте

Содержание

1	4
2	8
3	12
4	17
5	22
6	28
7	34
8	39
9	43
10	48
11	51
12	55
13	60
14	67
15	72
16	78
17	84
18	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

М.С.

*...Я оставлю свой голос, свой вымерший лес —
Свой приют, чтобы чистые руки увидеть во сне...
Я. Дягилева, «Чужой дом» («Домой!», 1989)*

Пелена удушающего смога повисла над крышами, кондиционеры гудят, сражаясь с жарой раннего июньского вечера. Летняя веранда кафе заполнена до отказа, официанты не справляются с наплывом посетителей.

Склонив голову, я сосредоточенно изучаю царапины на поверхности деревянного столика, пыль на стенках мутного стакана с едким оранжевым содержимым и жду.

— Чего тебе? — после десяти минут мучительного ожидания наконец раздается знакомый голос. Я напрягаюсь, но уверенно поднимаю взгляд.

Мама вытирает руки о край фартука, вскользь смотрит на меня, фиксирует внимание на дорожной сумке, притулившейся на свободном стуле, и устало признает:

— Убегаешь.

Я киваю:

— Уезжаю.

— А сюда для чего пришла?

Вопрос ставит в тупик, но я быстро прихожу в себя:

— Для того чтобы ты знала: со мной все будет хорошо. Не ищи меня и спи спокойно. — Я транслирую холодное равнодушие, и мама закусывает губу.

— Все сказала? Мне нужно идти.

Прежде чем она отворачивается, я подмечаю седину в выбившейся из-под поварского головного убора пряди, морщины и темные круги вокруг потухших бесцветных глаз.

Я тоже не заинтересована в долгом прощании — нашариваю теплую рукоятку трости, поднимаюсь и взваливаю сумку на плечо.

Не стоило сюда приходить. Мы не общались несколько месяцев, и никто из нас от этого не страдал...

Преодолевая привычное онемение в ноге, я спускаюсь по ступеням и выдвигаюсь в сторону железнодорожного вокзала. До него целая трамвайная остановка, но я иду пешком — медленно, выбиваясь из сил, поправляя сползающую с плеча пудовую сумку, сдувая со лба пропитавшуюся потом челку. Даже сворачиваю в парк, чтобы пройти по знакомым до боли суевливым улицам.

Из матюгальников струится веселая музыка, лавочки в аллее до самого выхода заняты нарядными людьми, дети, крича и хохоча, яркими пятнами мелькают в зарослях кустарника, выбегают на дорожки и путаются под ногами. День города во всей красе.

Из обвитой хмелем беседки доносятся звуки аккордеона

— парень в костюме мима с разукрашенным лицом улыбается прохожим, прерывает мелодию и машет рукой в белой перчатке милым девушкам, остановившимся его послушать.

Паша...

Опускаю голову и прибавляю шаг — хоть это почти для меня невозможно. Трость глухо стучит по брусчатке.

Когда-то я его знала: он, я и моя сестра представляли собой трио веселых, безбашенных неразлучных друзей.

Но я давно перестала считать общение с людьми полезным навыком.

В душном сумрачном плацкарте забрасываю сумку под сиденье, прислоняю трость к столику и, отодвинув занавесочку, устраиваюсь у окна.

Покачнувшись, поезд лениво трогается с места, разморенный пейзаж, состоящий из серых коробок складов и рядов колючей проволоки над ними, приходит в движение.

Попутчики шуршат пакетами и фольгой, распространяя тошнотворный запах несвежих продуктов, заводят робкие разговоры, гремят ложками и подстаканниками.

Разматываю наушники и отключаю посторонние звуки, прибавив громкость почти на максимум.

Склады за окном расступаются, оттесняются перелесками и полями, красный закат сменяется сумерками и ночной тишиной. Теперь в черном зеркале окна я вижу лишь свое бледное осунувшееся лицо.

Через несколько часов я приеду туда, где ни разу не бывала моя сестра. Приеду в то единственное место, где ее не было рядом.

Я умею «слышать тишину» — придумала название для состояния, которое с завидной регулярностью теперь случается со мной. Оно всегда нападает внезапно: миг — и звуки уходят, время замедляется, а реальность смазывается. Ослабевшее зрение пытается прорваться к свету сквозь рой радужных мушек, дыхание застревает в горле, паника сдавливает сердце. Я словно прохожу через смерть, снова и снова... Но, очнувшись, обнаруживаю себя здесь. В привычном опостылевшем мире.

В душном плацкарте, храпящем под стук колес.

Сбрасываю простыню, сажусь и, борясь со слепотой, натягиваю кеды.

Это началось после месяца, проведенного между жизнью и смертью в отделении реанимации.

Память сохранила лишь обрывки того мучительного времени — вереницу мутных дней, сонный бег капель, струящихся вниз по прозрачной трубке, обжигающую, одуряющую боль от ожогов и переломов, отупляющее безразличие обезболивающих... И мамыны пустые глаза — бесцветные и чужие.

Хмурая проводница помогает выудить из недр нижней полки сумку и велит мне поторапливаться, провожая к выходу.

Переношу вес на хрупкую трость, с трудом спускаюсь на треснувший асфальт глухого полустанка, и поезд почти сразу трогается с места, оставляя меня одну в бодрящей сырости раннего утра.

Воспоминания о маме воскрешают в полуживой душе сожаления и стыд.

Я трясую головой, отгоняя ненужные эмоции.

Она не будет долго горевать.

Мы никогда не были с ней дружны: мать пахала на трех работах и даже не пыталась наладить контакт, а мы с сестрой тянулись к прекрасному.

Она вечно пилила нас почему зря, особенно доставалось Стасе — за ее легкий нрав, смешливость и «безответственность».

Поэтому, как только позволили финансы, мы собрали пожитки и сбежали «на съемную хату» — в ветхую однушку без горячей воды, где прошли самые лучшие дни моей жизни.

Стася рисовала на заказ, плела из бисера и создавала под маникюрной лампой сказочные украшения из гель-лака, раздобыла у знакомых машинку и оттачивала на мне и Паше мастерство татуировщика.

Феникс, раскинувший непрорисованные крылья на моем бедре, чуть выше бордового, сморщенного прямоугольника, оставшегося от забранной на предплечья и лоб кожи, — тоже вышел из-под ее руки.

Очень часто наш холодильник был пуст, а ужин состоял из макарон и пельменей, и Паша буквально спасал нас от голодной смерти, тайком таская из дома еду, приготовленную его мамой.

Но мы, несмотря ни на что, были счастливы — пели ночами под гитару, выдумывали номера и образы для Пашиных выступлений, писали контрольные по культурологии для меня, вместе ходили в колледж, а в свободное время лазили по окрестным заброшкам и крышам. Там мы о многом мечтали, лежа на Пашиных плечах и разглядывая огромное вечное небо.

Мы были неразлучны два года. Только практика в колледже искусства и культуры ненадолго разделила нас прошлым летом — Стася бродила по холмам с этюдником, выискивая лучшие места для пленэра, Паша с аккордеоном мотался по сельским клубам, а я, словно легендарный Шурик из фильма, отправилась собирать по дальним районам народный фольклор.

Каждую минуту телефон в кармане взвивался от сообщений общего чата: мы делились новостями, скучали и ныли в мучительном ожидании встречи.

Никто не подозревал тогда, что очень скоро я все разрушу. Блаженная улыбка слетает с лица — я в миллионный раз осмысливаю ужасающую явь и задыхаюсь.

Трость оставляет вмятины в грунтовой дороге, солнце выплывает из-за леса, согревая спину.

Миновав заросшее деревенское кладбище, я устремляюсь вперед — к серым стенам, проступающим из тумана, к разноцветной палитре садовых цветов в палисадниках, к жизни. Или...

Дом Ирины Петровны отличается от остальных: крыша покрыта красной черепицей, над окном белеет тарелка спутниковой антенны, за высоким забором виднеется пляжный зонтик. Хозяйка дома — бухгалтер сельской администрации, незамужняя дама средних лет. Прошлым летом она на две недели вписала меня в одной из комнат просто так, бесплатно, ради компании и разговоров по душам.

Я с радостью согласилась: денег было в обрез.

В результате всю практику я спала до обеда, загорала в шезлонге, потягивая прохладный сок, а тихими, тягучими вечерами пила чай на веранде и болтала с хозяйкой дома. В ту пору Ирина Петровна охаживала Володю — нового ветврача, приехавшего издалека на местную ферму, — и частенько возвращалась за полночь, довольная и подшофе.

Все разговоры крутились вокруг ее походов, но и я не смогла укрыться от расспросов. Именно тогда, стыдливо уставившись в чашку с распаренными листьями мяты, я впервые подумала о Паше не как о друге...

— Он симпатичный? — выдала Ирина Петровна, и я пораженно моргнула:

— Да...

— Умный, смелый, заботливый? Тебе весело с ним? — Она ждала ответа, подпирая пальцами в перстнях пухлую

щеку, и я с ужасом осознала:

— Да!

В тот момент моя жизнь слетела с привычных рельсов.

В разлуке медовые глаза Паши стали казаться волшебными, солнечная улыбка — несказанно красивой, а без его теплых объятий знобило даже в жару.

Все мысли отныне были лишь о том, что я вернусь и признаюсь... Нервы натянулись в невыносимом напряжении, тоска поселилась под ребрами, мне не нравилось, что его сообщения в чате иногда были обращены к моей сестре.

Естественно, я забила на фольклор и древних старух, а отчет по практике готовила на этой же веранде при помощи ноутбука и всезнающего «Гугла».

Воспоминания кровью приливают к высушенному сердцу, согревая его.

У кованой калитки я останавливаюсь, пару секунд разбираюсь с щеколдой и прохожу по вымощенной камнем дорожке к крыльцу.

Дом погружен в дрему, несмотря на эхо собачьего лая и крики петухов из соседних дворов. Еще слишком рано, Ирина Петровна, должно быть, спит. Но мой визит не станет сюрпризом — я написала ей вчера, как только приняла спонтанное решение валить из раскаленного загазованного города.

Вдохнув, я преодолеваю три ступени и нажимаю на кнопку звонка. Спустя несколько долгих минут тишины раздается щелчок, и заспанная Ирина Петровна предстает передо

мною в алом халате поверх шелкового пеньюара.

Ее глаза расширяются, в них вспыхивает осознание.

— Проспала! — хрипит она, отнимает у меня сумку и гонит в прохладную глубину дома. — Ох, прости! Кофейку с дороги? Я сейчас покушать разогрею!

В панике она скрывается на кухне, а я оглядываю обстановку.

Тут ничего не изменилось — модные журналы и косметические каталоги на столике, слишком вычурная одежда на вешалках в приоткрытом шкафу, коробка конфет и початая бутылка красного вина, в компании которых хозяйка всего этого великолепия слишком часто проводит одинокие вечера.

Отставляю трость в угол и сажусь на диван.

Я рада, что Ирина Петровна не заметила моего состояния, и облегченно вздыхаю.

Но она возвращается, ставит перед моим носом чашку кофе с молоком, бледнеет и опускается в кресло напротив:

— Владуся, что с тобой? Ты так похудела! Случилось что-то?!

— Авария. — Я равнодушно пожимаю плечами. — Несколько переломов и ожоги, но все обошлось. Я в норме.

— Господи!.. А как поживает мама? Как сестра? — Ирина Петровна тяжело дышит, но не унимается. — Как мальчик твой?

— У них все хорошо. А как ваш Володя?

— Ну, как... — Она краснеет и тут же спохватывается: — Влад, я на работу опаздываю. Буду часам к десяти. Вечерком. Тогда и поговорим обстоятельно! Занимай комнату. Я очень рада, что ты приехала!

Комната, которая на месяц должна стать для меня родным углом, представляет собой шестиметровый закуток с окном в скошенном потолке. Через это окно по ночам видны звезды...

Утренний луч ползет по стене, по комоду с вязаной салфеткой под пустой вазой, по хрустальным фигуркам и антикварному будильнику. Его тиканье проникает в мозг, вязнет в нем, отдаляя реальность. Я снова «слышу тишину».

Падаю на кровать и надавливаю на виски пальцами.

Такой же теплый луч будил по утрам сестру, а она — меня, звонко смеясь и строя многословные планы на предстоящий день.

Без нее просыпаться и бродить по пустому городу стало невыносимо.

Медленно прихожу в себя, откидываюсь на мягкую подушку, пытаюсь дышать и мыслить.

Я ненавижу себя за то, что не призналась Ирине Петровне, как на самом деле обстоят дела. И вечером я буду вдохновенно врать ей в глаза о маме, о «парне», о сестре...

Наворачиваются жгучие слезы.

А что мне остается? Неужели рассказать правду?

А правда в том, что я не желаю общаться с мамой — ее безмолвное осуждение и скорбь бесят до тошноты. Я не желаю общаться с Пашей, который никогда моим парнем и не был. Ну а Стаси — яркого солнышка, самого лучшего человека на земле — по моей вине больше нет в живых.

Я даже не была на ее похоронах — лежала в отключке. Паша — широкая душа — лишь три месяца спустя поддался на уговоры и показал мне страшное фото, сделанное им на телефон. На нем наша Стася спала. С блаженной умиротворенной улыбкой на устах. В подвенечном платье. Со связанными белой тканью запястьями.

Ужасающая картинка до сих пор стоит перед глазами, хотя Паша сразу удалил то фото.

Мы со Стасей были двойняшками — совершенно разными, но единым целым. Мы вместе пришли в этот мир, но она теперь в ином. А моя душа все еще мечется в тишине, в надежде обрести смысл.

Мне нет прощения.

И хрупкие белоснежные руки, связанные на запястьях, снятся мне каждую ночь.

Тяжкие сны затуманили разум и ненадолго сковали тело — сказалась усталость проведенной в дороге ночи.

Просыпаюсь с тяжелой головой.

Мерно тикает антикварный будильник, где-то в коридоре гудит муха, пьяная от духоты.

Тени удлинились и стали гуще — день давно перевалил за середину. В памяти вспыхивают отголоски прошлогодних ощущений — очнувшись в том июне от полуденной дремы, я точно так же торопила время в предчувствии скорой встречи с Пашей и Стасей.

Боль подкатывает к горлу.

Цепляюсь за прохладный металлический шарик изголовья и с трудом поднимаюсь на ноги.

Я целую вечность слоняюсь по дому в надежде отвлечься: разглядываю предметы, запоминаю детали. На полках в гостиной прибавилось безделушек и ажурных салфеток — Ирина Петровна сама вяжет их. На подоконниках расцвели фиалки. За окнами растекается медом природа...

Находиться взаперти надоело. Опираясь о стены, я ковыляю назад, в залитую светом комнату, зарываюсь в нутро сумки, горько пахнущее домом, достаю светлые шорты и топик и напяливаю их. Прихватив верную трость, вываливаюсь на улицу.

Зной выдыхает в лицо опаляющий жар с запахом сена и цветов, по бледным ногам и плечам пробегают мурашки.

Я не носила открытую одежду с прошлого лета — закончился сезон, а вскоре все непоправимо изменилось.

Теперь я не могу позволить себе выставлять напоказ ноги с содранной наживую кожей и руки, покрытые пересаженными лоскутами. Но здесь, на краю небольшой деревни, я не рискую ничем. Тут нет ни души, лишь в прозрачном бескрайнем небе неподвижно зависла черная птица. Отличное место для прогулок.

Трость разрушает комья земли, застревает в мышинных норах, я иду через поле к ракитовым зарослям, скрывающим тихую речку. Ноги дрожат, от пыли и пота щиплет глаза.

Но у меня есть цель — дойти до воды, и я двигаюсь к ней, отключаясь от выжигающей душу боли и неподъемной вины.

В заднем кармане вибрирует телефон. Лишь один человек до сих пор продолжает писать мне, хотя после больницы я ни разу не ответила на его сообщения.

Стискиваю зубы. Обо мне снова вспомнил тот, кто делает вид, что все хорошо. Тот, кто разукрашивает растерянное лицо белилами и развлекает людей в парке. Тот, кто пытается радоваться жизни.

Достаю телефон и, не взглянув на экран, отключаю.

По инерции я все еще иду, но в ушах нарастает противный писк, «тишина» поглощает сознание, мир бледнеет, превращаясь в картинку за матовым стеклом, и я теряю себя.

...Глубоко дышу, справляюсь с ошестинившимися в тревоге чувствами, озираюсь по сторонам — я уже на обрыве, под ним мутные воды реки бесшумно движутся к морю. Пар над зеркальной поверхностью похож на клочья отравленного тумана, он приковывает внимание и утягивает мысли в воронку безысходности.

Я стою высоко, а водоем под кручей не отличается глубиной — на самой середине из потока ила и тины торчат толстые стебли и темные пальцы рогоза.

Безразлично смотрю вниз, оставляю мысли без контроля, и они разбредаются, словно тупое трусливое стадо. Еще шаг — и свобода.

Холодная мутная вода. Удар. Избавление. Конец.

Так действительно будет лучше. Может, за тем я и пришла?..

Я подаюсь вперед.

— Эй ты! Подожди! — Веселый голос из-за спины пугает до судорог. — Стой. Останься!

Пересилив накатившую слабость, я оборачиваюсь и вижу стоящего в паре метров парня.

Свободная белая футболка, кеды, руки в карманах голубых драных джинсов... Он сдувает с лица высветленную челку и улыбается.

Безразличие сменяется в душе болезненным комком и взрывается одуряющим стыдом.

— Я не собиралась... — Безуспешно пытаюсь прикрыть

шрамы, я опускаюсь на землю и растопыриваю над бедрами пальцы, но парень словно не замечает моих увечий. — Ты кто?

— Сорока! — представляется он, показав «козу». — Это как Ворон, но не ворон. Слушай, это сложно объяснить... Но я могу попытаться!

Не найдя на моем бледном лице энтузиазма, он исправляется:

— Миха я. Можно и так. Зови как хочешь!

Я плююсь на него и не могу дышать.

— Как давно ты здесь?

— Давно! — Он разглядывает меня, но я не вижу в его глазах омерзения. И осуждения.

И ненавистного сочувствия.

— Что ты вообще здесь делаешь? — Я сдаюсь и расслабляю плечи.

— У меня тут, недалеко, бабушка... — поясняет он буднично, и до меня доходит: парень ничего не знает обо мне, поэтому не собирается осуждать или жалеть. Ему просто пофиг.

Странное облегчение растекается по телу, я смотрю в глаза напротив — синие, словно небо. Завораживающие и пугающие настолько, что приходится отвести взгляд.

— Не подходи близко! — Предостерегающе поднимаю руку, и парень кивает:

— Окей. — И садится на траву.

Новый знакомый устраивается поудобнее, словно ему некуда спешить, открывает рот и тут же захлопывает, так и не придумав тем для разговора.

Над мутной водой звенят комары, в далеких заводах квакают лягушки, июньский день плавно перетекает в сонный вечер.

Пuls постепенно замедляется, и я окончательно обретаю контроль над ситуацией.

Подумаешь. Всего лишь посторонний парень, который решил заговорить со мной.

Странный до ужаса.

Зачем он делает это?

Я рассматриваю его — одежда вполне обычная, но что-то в облике выдает оригинальные взгляды на жизнь. Скорее всего, он бренчит на гитаре, пишет претенциозные тексты и постоянно бухает. У Паши полгруппы таких же «уникумов».

Но этот не напрягает меня — сидит напротив, блаженно улыбается своим мыслям и не достает почем зря.

— Как тебя зовут? — наконец подает голос парень.

— Влада.

— Ничего себе... — Он чересчур удивлен, но удивление не кажется наигранным. — Редкое имя.

— Папа назвал, — неожиданно выбалтываю я. — Мама

на такое не способна.

Сорока улыбается и вдохновенно подхватывает:

— Моя — тоже зануда... Даже папаша от нее смылся.

— Та же фигня. Но наш не выдержал воплей новорожденной двойни. — Мне больно так, что заходится сердце, но внезапно нарисовавшаяся перспектива выговориться манит, как освобождение, и я намеренно заговариваю о Стасе: — Мы с сестрой были двойняшками...

— А у меня никого нет... — Сорока грустнеет и умолкает, надолго уставившись в небо над другим берегом.

— Так почему ты Сорока? — Я прерываю обжигающую тишину, и парень отмирает:

— Э-э... Ну так вот. Ты фильм «Ворон» смотрела?

Кажется, я что-то припоминаю и киваю:

— Да. Довольно древнее кино.

Потрясенно уставившись на меня, Сорока с обидой тянет:

— Ну... да. Но классика не стареет! — Он вдруг начинает смеяться: — Вообще-то, Сорока — моя фамилия. Но один запредельно крутой и умный чувак, мой друг и брат по имени Ник, сказал, что так нужно подкатывать к телочкам. Типа я загадочный и мрачный чел со своей историей... как в фильме.

Сорока так же внезапно перестает хохотать и признает поражение:

— Забей. Из меня хреновый ухажер. Да и... если бы я, допустим, вернулся... так же как Эрик... Я бы не стал мстить.

Солнечный луч пробивается сквозь темно-зеленую листву и падает на его лицо.

Странное чувство, словно теплое одеяло, укутывает меня. Уют. Спокойствие. Смирение.

Этот парень напоминает мне сестру — та же легкость суждений, бесхитростность и обезоруживающая искренность.

— А что с твоей сестрой? — Словно читая мои мысли, Сорока упирается ладонями в землю и слегка наклоняется ко мне.

Непроизвольно отодвигаюсь:

— Она... погибла. В конце ноября.

— Соболезную.

Он не просит подробностей, не лезет с сочувствием, не осуждает даже после того, как я произнесла эту уродливую фразу вслух.

Вместо этого Сорока меняет тему:

— Что это? — Он кивает на мои искалеченные бедра и морщится: — Это ужасно.

Я дергаюсь — прикрываться уже бессмысленно. Беспомощность и стыд перекрывают кислород, но Сорока поясняет:

— Я про татуху. Она... ужасная. Что за общипанная курица?

Он застал меня врасплох, я тут же вспыхиваю:

— Это Феникс! Просто он не закончен. Это... сестра. Оттачивала навыки. Это память о сестре.

— Не хотел бы я, чтобы обо мне помнили вот таким образом! — перебивает Сорока и хихикает, — честно, это позор для художника! Знаешь, я тоже быю татухи. И руки у меня тоже из задницы. Набил Нику корявые иероглифы на плечо. Не прощу себе, если он так и будет их носить. Кому нужна такая память? Я серьезно. Переделай!

В шоке я смотрю на него, от обиды проступают слезы, но безмятежные пронзительно-синие глаза ловят мой взгляд.

В голову ударяет осознание: возможно, я что-то упускаю, разучилась видеть, а он — нет...

Но сейчас мне не больно. Не одиноко, не скучно. Не страшно.

Опускаю лицо, поспешно подавляю в себе давно забытое чувство радости и стираю улыбку, едва тронувшую губы.

— Тебе идет! — тихо замечает Сорока.

— Что?

— Улыбка!

Жар приливает к впалым, вечно бледным щекам, я задыхаюсь от оживших эмоций, породивших в душе хаос.

В ужасе хватаю трость и с огромным усилием поднимаюсь на ноги:

— Я пойду. Мне пора.

Сорока не двигается с места — так и сидит на траве, вытянув длинные ноги. Он кивает:

— Иди. Кстати, классная побрякушка.

Свободной рукой я рефлексорно прикрываю кулон, вися-

щий на груди. Насмешек и над ним я просто не переживу.

Он — тоже память о Стасе.

Такие кулоны сестра делала на заказ, как шутил Паша, «в промышленных масштабах». Ничего из ряда вон выходящего — просто фотографии известных музыкантов или логотипы групп в капле прозрачного гель-лака.

Я ношу на тонком шнурке фото молодого Летова в черных круглых очках. Как символ: мы тоже хотели летать снаружи всех измерений. Хотели свободы, любви и вечной юности. Орали под гитару его песни в три глотки и были уверены, что сможем удержать в руках целый мир.

Над головой заходится кашлем ворона, кривые ивы стонут и роняют в воду холодные слезы. Даже здесь, в сотнях километров от города, я не в силах от себя убежать. Моя жизнь не движется вперед, она теперь тоже лишь память о Стасе...

— Я недавно был на его концерте, — сообщает Сорока, и я взвиваюсь:

— Ты прикалываешься? Недавно — это лет пятнадцать назад? Не смешно. Я не просто так нацепила его изображение. Я знаю, кто это!

В порыве злости я отворачиваюсь и ухожу. Пытаюсь идти уверенно, но слабые ноги не слушаются, по телу проходит крупная дрожь. Ситуацию усугубляет позорный инцидент: я спотыкаюсь о кочку и едва не падаю.

Быстро оглядываюсь — Сороки на берегу уже нет. Только высокая трава колыхается, изнывая под напором горячего

ветра.

Ивы холодными лапами ощупывают лицо и плечи, я прорываюсь сквозь их строй, выбираюсь на открытую местность и в замешательстве замираю.

Мне казалось, что прошло не больше получаса, но ослепляющий красный диск на две трети завалился за горизонт, ощутимо похолодало.

Тишина звенит и пощелкивает в ушах, я трясую головой, и сознание обретает ясность.

Впереди раскинулось поле. Где-то лают собаки, шумит мотор газонокосилки, попсовая песня льется из динамиков далекого радиоприемника.

Опираюсь на трость и иду.

Солнце исчезает, сгущаются синие сумерки, глаза различают точки холодных огней в розовой дымке и желтые теплые окна ближайших дворов.

Возможно, Ирина Петровна уже дома — готовит очередной кулинарный шедевр, заваривает чай, прихлебывает вино и вглядывается в темную даль. И пусть ее советы пусты, глупы и уже привели к катастрофе, мне очень нужно поговорить с ней.

Над крыльцом горит тусклая лампочка, в круге света бьются ошалевшие мотыльки. Ломая пальцы, отодвигаю щеколду, вхожу во двор и захлопываю кованую калитку. По

спине пробегает озноб.

В три шага преодолеваю узкую дорожку, карабкаюсь по крутым ступеням и влетаю в дом. Снаружи остается лишь моя долговязая черная тень.

Но в темной прихожей пахнет духами и жареной картошкой, из кухни доносится шипение масла, тихий голос напевает знакомый мотив... Меня здесь ждут.

— Влада, вернулась? — кричит Ирина Петровна из глубин кухни, и я прислоняюсь к стене, борясь с рыданиями.

— Да, вернулась. Гуляла по окрестностям!

— Тогда мой руки! И за стол! — зовет она.

В ванной с минуту ожидаю, когда потеплеет бьющая из крана струя, а по щекам бегут горячие слезы. В душе будто прорвало дамбу или ледяной затор — она трепещет и болит, но боль эта очищает.

Брызгаю в лицо все еще холодную воду, выпрямляю плечи, заглядываю в бесцветные опухшие глаза, с немым вопросом глядящие из зеркала, шмыгаю носом.

Этот Сорока...

Он не церемонился со мной и сам не понял, что вскрыл чудовищный нарыв у меня внутри. Неосторожно надавил туда, куда нельзя, и вот...

Грязь утекает мутной рекой, а душа наполняется чем-то новым или же давно забытым. Становится ранимой и беззащитной.

Я почти незнакома с тем парнем и теперь боюсь его до

дрожи, но завтра снова пойду к реке в надежде на встречу. В надежде на повторение того, что чувствую сейчас.

Утираюсь полотенцем, бросаю его на дно корзины, глубоко дышу и прихожу в себя.

Кухня освещена лишь золотистой подсветкой над вытяжкой, хрусталь, металл и начищенные поверхности предметов загадочно блестят.

Ирина Петровна, улыбаясь, указывает на пустой стул и двигает ко мне фарфоровую тарелку.

— Вот. Новый рецепт. Уж не знаю, съедобно ли... Как прошел день?

Она в приподнятом настроении: судя по всему, свидание с Володей все же состоялось. Наверняка сейчас я услышу подробности.

— Отлично. У вас не может быть по-другому. — Я хватаю вилку и отвечаю совершенно искренне, но улыбка напротив гаснет.

— Влад, так что с тобой стряслось? Почему я ничего до сих пор не знала, неужели нельзя было хотя бы написать?

Кусок встает поперек горла. В такую минуту я не готова врать. Собираюсь с духом и выдавливаю:

— Говорю же, авария. Познакомилась с мальчишками и села в авто. Гоняли по трассе, но водитель не справился с управлением и на большой скорости влетел в столб. Машина загорелась... Не выжил больше никто.

Ирина Петровна потрясенно молчит.

Если она начнет сочувствовать, я провалюсь сквозь землю.

Но она отводит взгляд, тянется к бутылке с вином и щедро наполняет им бокал.

— Тебе сейчас трудно. Но нельзя сдаваться. Знаешь, мой папа спас меня, в последнюю минуту вытянул из воды, когда я упала в озеро. А сам утонул. Он был самым близким и дорогим мне человеком, и... С тех пор я все пыталась бежать — от людей, от себя... — Грустная усмешка застывает на ее лице. — И лишь недавно задумалась: зачем, куда? Жизнь впустую прошла. Папин подвиг — впустую.

Теперь наступает моя очередь отвести взгляд, и я принимаюсь изучать содержимое тарелки.

В прошлом году из наших долгих разговоров я узнала, что Ирина Петровна приехала сюда сразу после института. Продала где-то далеко квартиру со всеми удобствами и купила этот дом.

Она смелая: даже в деревне умудряется отличаться от всех и не обращать внимания на слухи. Она не боится говорить правду и всегда находит нужные слова. Она тоже пережила боль и все понимает...

Нам бы такую маму.

Может, тогда не случилось бы беды.

На миг воспоминания о маме щекочут горло. Должно быть, она до сих пор на работе — готовит для посетителей

кафе еду в раскаленном аду кухни или уже вернулась и пьет чай в одиночестве пустых комнат.

А еще яркой картинкой в памяти вспыхивают огромные глаза Паши...

Но я отгоняю морок.

— Ирина Петровна, вам что-нибудь говорит фамилия Со-рока? — задаю я главный вопрос этого вечера и с надеждой гляжу в ее лицо.

Она задумывается и качает головой:

— Не знаю таких.

— Бабушка живет на нижнем порядке, у реки. У нее есть внук Миша, примерно моего возраста! — уговариваю я, но Ирина Петровна лишь растерянно пожимает плечами.

— Нет здесь таких, я абсолютно уверена. Может, у них разные фамилии?

— Возможно, — соглашаюсь, и легкое головокружение заставляет откинуться на спинку стула.

Ночью мне снится мой город: улицы, парки, дворы и тропы, по которым мы гуляли с сестрой. Но в городе из сна другой воздух, другие люди, странные, едва узнаваемые дома... В нем много света и открытых пространств — деревья и кустарники еще не так высоки и густы, и их ветви не закрывают солнце.

Мне снова мерещится чье-то запястье, но в этом сне все хорошо. Теплая рука крепко сжимает мою руку, и я уверенно

шагаю вперед.

За завтраком Ирина Петровна непривычно напряжена: молчит, задумчиво потупив взор, но, допив кофе, все же решается:

— Влад, сегодня суббота... В общем, такое дело: мы с Володиной по выходным отдыхаем в «Лесной сказке». Это пансионат, отсюда совсем недалеко. Шашлычки, культурная программа, танцы...

— Это здорово! — перебиваю я. — Поезжайте! Я сегодня же соберу пожитки и...

Если откровенно, совесть точит меня вторые сутки. Я не должна была сваливаться как снег на голову и напрягать ее своим присутствием. А еще мне кажется, что она знает, каких проблем я собираюсь ей подкинуть...

— Что ты, Влада, оставайся и живи тут, сколько хочешь! — Отмахивается Ирина Петровна. — Я, наоборот, извиниться хотела.

— Спасибо! — облегченно вздыхаю я. — Постараюсь не спалить дом.

Все утро, развалившись на диване, я присутствую на показе мод и выступаю консультантом по стилю, в результате в дорогу набирается полный чемодан вычурного шмотья.

Справившись с его замками, Ирина Петровна падает в кресло, ежеминутно поглядывает на часы и, вытянув шею,

высматривает в окне белую «Приору» Володи.

Я завидую ей. Ровно год назад, вернувшись в огромный шумный город, я точно так же сидела за столиком кафе, барабанила ногтями по столу, теребила яркие пластмассовые браслеты, вздыхала и умирала от ужаса. Когда Паша, загорелый, высокий, чужой и изменившийся за время разлуки, вошел в душный зал, мне натурально стало плохо.

Улыбнувшись, он занял стул напротив и заглянул в мои глаза...

Резко возвращаюсь в реальность и хватаю ртом воздух.

Ирина Петровна покидает наблюдательный пункт, хватается чемодан и объявляет:

— Володя приехал! Влада, будь как дома. Но не забывай, что... — Она хохочет. — Шучу. До завтра!

Я остаюсь одна.

Щелкаю пультом, но после двухсотого канала с бессмыслицей снова включается первый.

Поднимаюсь и подхожу к полке с книгами, листаю их гладкие страницы, но аннотации, обещающие любовь и страсть, вызывают лишь приступ изжоги.

Стоит хоть раз в жизни отплатить Ирине Петровне добром — я плетусь на кухню, открываю серебристую дверцу холодильника, изучаю содержимое шкафов и полдня готовлю, решаясь на три блюда и десерт.

Стася обожала готовить. Даже тогда, в самый последний

день, она умоляла меня остаться дома и посвятить вечер новому рецепту, найденному на просторах интернета. Но я на тот момент была уже изрядно пьяна...

Горло сжимается от удушья, боль бьет под дых, радуга разноцветных мушек взвивается перед глазами. Щелчок — и тишина. Смерть.

Покачнувшись, я хватаюсь за каменную столешницу.

Звуки возвращаются, зрение проясняется, но мир вокруг кажется сотканным из бликов, эха, теней и полутонов.

Я знаю, эти приступы — всего лишь последствия черепно-мозговой травмы. Стоит только возобновить прием таблеток, и я перестану «слышать» эту чертову тишину.

Выключаю газ под недоваренными овощами, забираю трость, обуваюсь в полумраке прихожей и выбираюсь на улицу.

Изнуряющий зной мгновенно прибывает к земле, обжигает тонкую поврежденную кожу, пылью забивается в глаза.

Прогулки в это время суток — плохая идея, но я решительно притворяю за собой калитку и верчу головой, ориентируясь на местности.

Мой давешний дружок Сорока гостит у бабушки, что живет где-то недалеко от реки, на нижнем порядке. Он сейчас нужен мне.

Проклиная никчемные переломанные ноги, изнывая от жары, назойливых мошек и пота, ручьями стекающего по спине, я ковыляю по извилистой тропинке вниз, туда, где по-

чти у околицы под огромными раскидистыми ветлами при-
таились серые крыши.

Дурное волнение разгоняет адреналин по венам.

— Привет! Помнишь меня? Знаешь, тут такая скука. Не хочешь погулять? — репетирую вслух тупейшую речь и готова себя убить.

Глупо. Как убого и глупо. Совершеннейший детский сад.

Я совсем разучилась общаться, и парень от души надо мной поржет.

Встаю как вкопанная с намерением вернуться, но вспоминаю, что мне некуда идти — даже дом Ирины Петровны пуст.

Глубоко вздыхаю и шагаю вперед.

С реки тянет стоячей водой и благословенной прохладой, тропинка становится уже, разросшиеся репейники нагло лезут в лицо, из-под резиновых подошв разлетаются испуганные птички.

Справа и слева надо мной нависают заброшенные, местами разрушенные дома — наблюдают, угрюмо прячась в спину пустыми глазницами разбитых окон...

Через несколько дворов нижний порядок заканчивается, в кустах за ним монотонно бурлит река.

Что за черт? Тут никто не живет уже много лет, к черным просмоленным столбам с шапками вороньих гнезд даже не подведены провода.

Недоумение и страх превращаются в панику, подгоняя меня обратно к жилым домам. Я стремлюсь поскорее убрать-

ся из этого жуткого места, схожу с тропинки, спотыкаюсь и спешу к освещенному солнцем полю. Легкие горят огнем, нервы гудят от напряжения, кружится голова.

— Не меня ищешь? — Насмешливый голос Сороки раздается прямо над ухом, и я подпрыгиваю. Он стоит передо мной: футболка ослепляет белизной, освещенную челку треплет ветер, синие глаза вглядываются в мое лицо.

Ноги подкашиваются от облегчения, но верная трость не дает упасть.

— Тебя! — хриплю я, и он широко улыбается.

— Я так и знал. Скучно, да? Давай прошвырнемся по окрестностям?

Слегка сутулясь, Сорока вразвалочку идет по широкому полю — руки в карманах голубых джинсов, кривая ухмылка блуждает по лицу. Мне тяжело поспевать за ним, но я терплю и не прошу помощи. А он и не предлагает.

Паша никогда бы не проявил неучтивости по отношению к девушке, но Сороке я благодарна — значит, он не видит во мне немощную уродину. Он не жалеет меня.

И улыбка, давно ставшая невозможной, снова трогает губы.

На миг мне кажется, что вернулись старые времена — те далекие дни, когда я была способна ходить, расправив плечи.

Горячий ветер мечется по бескрайним просторам, закладывает уши и путается в волосах.

Крайние домики деревни остались далеко позади, а мой новый знакомый все идет и идет куда-то...

— Есть одно клевое место! — поясняет Сорока, в очередной раз уловив мою тревогу, внезапно останавливается и кивает на коробки кирпичных строений, виднеющиеся за березовой рощей.

Он уверенно шагает к ним, а я мешкаю. Страх шевелится под ложечкой и проступает липким потом на коже.

Когда-то здесь было сельхозпредприятие: белеют стены заброшенных гаражей, скрипят ржавыми петлями двери, на

крыше административного здания шелестят листвою молодые деревца, шумит высокая трава.

Сорока замирает посреди запустения и задумчиво всматривается в черноту глубокого колодца, зияющего в центре забетонированного двора.

Буквально выключившись из реальности.

...и прикидывая, уместится ли там тело...

Несмотря на заманчивую перспективу возможного скорого избавления от всех проблем, внутренности скручиваются в узел от звериного ужаса.

— И что теперь? — Я хриплю. — Ты меня изнасилуешь здесь? Или сразу убьешь?

— Что? — Он поднимает голову. — С чего ты взяла?

— Потому что ты вчера соврал! Нижний порядок давно заброшен, ты не живешь там! — Облегчение вырывается криком, почти истерикой, но все, что я вижу, — синие бездонные, растерянные глаза.

В них мелькает смятение и смертельная усталость, а меня пронзает иголка сочувствия.

— Я не врал... — тихо отзывается Сорока, отворачивается и скрывается за остоном кирпичной стены.

У меня трясутся руки.

С ним что-то не так...

Но на маньяка парень не похож. Подумаешь — сказал неправду. Так даже лучше. Ведь я тоже о многом умалчиваю.

Отгоняю приступ паранойи и, постукивая тростью по рас-

трескавшемся бетону, бегу следом.

Прямо за зданиями начинается кладбище пожираемых коррозией плугов, сеялок и сельхозтехники, а за ним высится рукотворный холм, из которого торчит старая водонапорная башня.

Сорока уже сидит на склоне, машет мне рукой и солнечно улыбается.

Как только я, тяжело дыша, опускаюсь рядом, он спрашивает сквозь смех:

— Так ты во всем ищешь подвох? Даже меня записала в маньяки? К слову, у меня девушка есть...

Его искреннее веселье выбешивает, и я огрызаюсь:

— Мои мысли как раз логичны. Потому что ты чертовски странный тип!

— Ты тоже, — парирует он, — чертовски странная чувиha. Нужно было взять с собой нож. Для самообороны. Потому что ход твоих мыслей пугает меня!

Не сдержавшись, я прыскаю от вида его глуповатой загадочной мины и патетически вопрошаю:

— Объясни, зачем нужно было переться именно сюда?!

Сорока тут же становится серьезным и поднимает руку:

— Сюда нужно было переться только ради вот этого.

Проследив за его жестом, я застываю с открытым ртом, забыв о необходимости дышать.

Огромное величественное солнце колышется в раскаленной атмосфере, медленно уползает за край земли, заливая

небосвод алой холодной кровью. Тишина накрывает мир, замерший в ожидании чуда, ветер стихает в зеленых кронах, кузнечики перестают стрекотать.

Я чувствую неумолимый ход времени и его статичность, окончание дня и начало ночи, безграничность вселенной и необъятные вселенные внутри меня, ноющую скорбь утрат и пульсирующее счастье новых рождений. Украдкой смотрю на темный профиль парня, сидящего рядом, и сердце трепещет, как птица.

Я живу.

Это благодаря ему на короткий волшебный миг я снова живу.

— Завораживает. Обожаю это место... — тихо сообщает Сорока, очнувшись от развернувшегося вокруг волшебства. — В детстве я часто сбегал от бабки, чтобы смотреть отсюда на закат. Кстати, знаешь высотку на улице Горького? С ее крыши открывается потрясающий вид. Весь город как на ладони. Я часто на ней бываю.

Я подсказываю:

— Чтоб меня! Врешь!

— Почему? — удивляется он.

— Потому что мы тоже постоянно тусовались там!

Я готова расцеловать Сороку, и мне отчего-то кажется, что мы знакомы сто лет.

Но он только пожимает плечами:

— Я никогда не видел тебя раньше.

— А я не видела тебя... — Поникнув, молча наблюдаю за последними бордовыми сполохами у горизонта и наползающей из-за деревьев темнотой.

— Если не веришь, сходи к лифтовой шахте третьего подъезда, когда будешь там снова. Я послание ключом нафигачил. Прямо на кирпичках.

— Зачем? — В приступе смутного дежавю я на всякий случай хватаюсь за рукоять трости, будто она — единственное, что связывает меня с материальным миром.

— Просто хочется еще многое сказать! Может, мои слова пригодятся кому-нибудь. Кто знает? — Ответ Сороки, такой простой, сокрушает меня.

Моя сестра Стася до последнего дня писала послания на разлинованных тетрадных листках, складывала их в самолетки и отпускала из форточки по ветру.

«Почему ты это делаешь?» — недоумевала я, и она смеялась:

«Влада, а вдруг мой самолетик сделает кого-то счастливым? Добра в мире станет больше. А я не закончусь никогда».

Гипнотизируя невидящими глазами даль, я тихо шепчу:

— Сорока, ты напоминаешь мне кое-кого...

— Да? И кого же? — усмехается он; в сумерках больше не видно его лица, но присутствие ощущается еще острее.

Я решаюсь:

— Мою сестру.

Грудная клетка раскаляется от запредельной боли, глаза горят от слез, язык распухает от невысказанных слов.

— Рассказывай, что с тобой случилось, — подначивает Сорока. — Я же вижу: ты хочешь. Давай, мне можно!

Набираю в грудь побольше воздуха и...

Ничего не происходит.

— Я не знаю, с чего начать.

— С начала, — подсказывает парень, и тогда воспоминания вырываются на волю:

— Мы родились в один день, но были разными. Я похожа на маму, Стаська — на отца. Я — приземленная, а она вечно летает... летала... в облаках. В раннем детстве ее обижали, а я пускала в ход кулаки. Мама нас не понимала, пыталась загнать в рамки: часто ругала и даже била, но мы выгораживали друг друга любой ценой... Лет в двенадцать мы начали бунтовать в открытую: красили волосы в яркие цвета, носили странную одежду, общались на выдуманном, известном только нам языке. Мы бились спиной к спине против навязываемых нам стандартов. Вместе разработали и план побега — брались за любые подработки, скопили денег и после школы слиняли из дома. Мама звонила и орала, грозилась вычеркнуть нас из своей жизни, но мы не поддались. Такими мы были. Непобедимая армия из двух бойцов... — Я перевожу дух и продолжаю: — А на первом курсе мы познакомились с Пашей — таким же придурком «не от мира сего»... Все же странно, что мы с тобой никогда не пересекались на той крыше. Вероятно, ты его знаешь.

Сорока молчит, и я возвращаюсь в суровую реальность.

— А потом все сломалось. Стася погибла. Мы попали в жуткую аварию, она вылетела через лобовое стекло, а машина вспыхнула. Меня, точнее, то, что от меня осталось, вытащили из огня случайные свидетели ДТП. А на Стасе не было видимых повреждений. Совсем. Просто угодила виском на камень и... Кончилась моя жизнь. Это не должно было с ней произойти. Лучше бы умерла я!

Пальцы накрепко сжимают трость, пульс зашкаливает. Впервые у меня получилось уместить произошедший с нами ужас в простые слова. Тиски, сковавшие грудь, слабеют, сердце стучит громче.

Наверное, Сороку послал мне бог. Ни с кем больше я не смогла бы поделиться пережитым... И никто не стал бы слушать.

Ветер возвращается и усиливается, резкие порывы пронизывают тонкую ткань футболки, холодят лоб, рябью проходятся по траве. Из-за наших спин медленно выплывает черная туча и зависает над головами.

Воздух наполняется тревогой и электричеством.

— Ты говоришь, что мы с ней похожи? — не обращая внимания на надвигающуюся стихию, вдруг изрекает Сорока. — Вот лично я бы не хотел, чтобы по мне так страдали. Потому что я не нуждаюсь в этом. Это горько — осознавать, что ничего, кроме сожалений, ты не вызываешь. Еще хреновей, если ты не оставил после себя ничего, кроме них. Не оскорбляй ее своей жалостью. Все, что ты можешь сейчас, — продолжать жить. Бороться и быть счастливой. За двоих.

Оглушающая тишина опускается на холм.

Молния до самого горизонта прошивает небо голубым лучом, и дождь обрушивается сплошной стеной.

— Пойдем отсюда. — Сорока встает и, не оглядываясь, уходит.

Я поднимаюсь на ноги, опираюсь на трость и изо всех сил

стараюсь не отставать.

Дождь хлещет по лицу, затекает за шиворот, хлопает в кедах.

Наполняет землю влагой, а мой разум — новым осознанием.

...Стася не заслужила жалости.

...Я должна жить.

Ориентир в темноте — белая футболка, прилипшая к спине и широким плечам Сороки, — искажен пленкой дождя, но я не теряю его из вида до тех пор, пока лай собак и желтые окна деревенских домов не возвещают о скором окончании нашего пути.

Сорока останавливается у околицы и прощается:

— Ну, пока.

— Ты чего? — ною я; перспектива расставания пугает, но Сорока перебивает:

— Мне другой дорогой... Иди, я пока тут постою.

— Мы еще увидимся? — Я кричу что есть мочи, но чудовищный раскат грома заглушает его ответ.

Он остается в темноте, а я по шипящим комьям земли ковыляю сквозь ливень к дому Ирины Петровны.

Дождь барабанит в окно в крыше пристроя, капли серебрятся на фоне светлеющего неба, стекают слезами вниз и скрываются из виду.

Я не могу уснуть — кутаюсь в одеяла, обнимаю подушку, прислушиваюсь к звукам снаружи и дрожу.

Если закрою глаза — провалюсь в бездонную пропасть вопросов, теорий и предположений, и мой бедный, поврежденный травмой мозг просто взорвется.

Остатками ума я понимаю, что Сорока опасен.

Интуиция кричит: «Остановись!»

Он мутный и странный. В его голове тараканы. Он что-то утаивает. Его что-то гнетет...

Он никогда ни о чем меня не спрашивает — свои мрачные уродливые тайны я выбалтываю ему сама. Он не щадит меня, бывает бестактным и резким, но только рядом с ним, впервые за полгода, я вновь чувствую весь спектр живых эмоций: ужас и восторг, доверие и жгучую обиду, интерес и стыд, радость и тоску.

Сорока мимоходом обронил в мою душу искру, и она с каждым мигom разгорается все ярче, превращаясь в нестерпимый свет, который я не могу вместить и удержать в себе, не избавившись от груза прошлых привязок...

Скорбь по сестре тает, растворяется, как сырой туман в

лучах солнца.

Память возвращает меня в позапрошлый январь.

Вечер, мороз выгнал все живое с городских улиц...

Лишь мы втроем дурачимся под задумчивыми бледными лицами фонарей: Стася визжит от восторга, съезжая вниз с огромной горки, и глаза ее сияют ярче звезд. Светлые волосы выбились из-под шапки, шарф развевается на ветру. Залюбовавшись, не успеваю отпрыгнуть в сторону: сестра хватает меня за рукав, и я мешком валюсь на нее. На полной скорости мы сбиваем и Пашу — теплой тяжестью он падает на нас, и мы летим по склону в неизвестность. Смех и восторг лопаются пузырьками лимонада и искрятся в душе.

Мы уверены: все будет хорошо. Мы проживем сотни лет и никогда не станем старыми, всегда найдем поводы для радости, преодолеем любые трудности.

Мы — искренность, доверие и крепкая дружба на века.

Через каких-то полгода все изменилось, но Стася так и не узнала об этом, до последнего дня оставаясь счастливой.

Именно такой я должна ее вспоминать. И продолжать жить. За двоих.

В этот момент мне кажется, что сестра, где бы она ни находилась, тоже подписалась под этой идеей, и я с трудом справляюсь с ликованием, на которое не имею права.

Выдыхаюсь лишь с наступлением белого невнятного расвета — даже петухи не встречают его, проспав наступление нового дня на насестах, в тепле надворных построек. На се-

кунду прикрыв веки, я мгновенно выпадаю за грань сна — утреннего одуряющего кошмара.

И вновь вижу крепко связанные запястья.

Беззвучный крик вырывается из груди, царапая горло.

Сбитые костяшки. Рельеф вен.

Но поверх них, вместо белых ситцевых полосок, до синяков натянут прозрачный скотч.

Это не руки сестры.

Как всегда, просыпаюсь с больной головой. По серости за окном невозможно определить, который сейчас час, а антикварный будильник на комодѣ безбожно врет.

Выбираюсь из плена одеял, вдоль стен прохожу на кухню, умываюсь холодной водой над раковиной, беспомощно осматриваюсь по сторонам. И нахожу для себя занятие: срочно ликвидирую кавардак, оставленный вчера на столе и плите.

Заунывный дождь скребет по стеклам, густая дымка за окном скрывает поля и деревья у реки.

Я ежусь и прячу в шкаф последнюю вытертую насухо тарелку, выключаю воду, смахиваю крошки в ведро.

С улицы доносится шум мотора, приглушенные голоса, стук автомобильных дверей и шаги.

Ирина Петровна включает свет в прихожей, чертыхаясь, избавляется от обуви и влывает в дом, заражая его жизнью.

— Доброе утро, Владуся! — приветствует она и, обнаружив меня, машет рукой. — Не готовь! Я там плов и шашлыки привезла. Я мигом в душ, а потом все организую!

Я киваю.

Глазам снова становится жарко.

Пожалуй, только сейчас до меня по-настоящему доходит, зачем я снова приехала к ней.

Мне хотелось, чтобы она удержала меня от последнего шага.

Наш день и вечер проходят по давно известному сценарию, но это именно то, что мне нужно сейчас.

Темноту подсвечивает золотистая лампа, встроенная в вытяжку, сквозняки робко трогают занавески, толкают плечами раскрытую кухонную дверь, и Ирина Петровна, сидящая напротив, сетует на испортившуюся погоду: так некстати пошел дождь, даже в «Лесной сказке» стало тоскливо. Она отпивает вино, подливает чай в мою пиалу, вздыхает и задорно подмигивает. Много хохочет, подпирая розовые щеки пухлыми пальцами, рассыпается миллионами баек и историй, случившихся «с ее хорошими знакомыми», переходит на звезд кино и эстрады, а о своем Володе молчит как партизан. Но я понимаю: она абсолютно права в стремлении никого не впускать в свое счастье.

О Сороке я больше не расспрашиваю. Хочу, чтобы наше знакомство тоже осталось тайной для всех.

Следующим утром, сославшись на отгул, Ирина Петровна остается дома и затевает генеральную уборку. Перемещая по комнатам стремянку, она глубоким, поставленным голосом поет песни певицы Натали и скачет по углам, с упорством маньяка уничтожая несуществующую пыль и паутины. Усиленно стараюсь не отвечивать, но Ирина Петров-

на ловит мой взгляд, забирает из слабых рук трость, торжественно вручает мне швабру и отправляет в чулан.

Добро пожаловать на трудотерапию...

Матерясь, вставляю ключ в огромный амбарный замок и налегаю на дверь. Та со скрипом поддается.

В чулане страшная холодина, тоска и жуть: единственная лампочка под потолком не способна разогнать застарелые густые тени, живущие за сундуками и шифоньерами добрую сотню лет.

Усердно протираю хрупкие, отливающие радугой стекла и поглядываю на улицу: небо заволокло тучами всех оттенков безысходности, моросивший было дождь окреп до ливня и размывает дороги. Пара шагов по таким — и кеды утонут в жирной непролазной бездонной грязи.

Интересно, чем сейчас занят Сорока? Как далеко он от меня?

Нужно было обменяться телефонами, но это простое решение даже не приходило мне в голову.

Опускаю тряпку и растерянно моргаю, собираясь с мыслями.

Мой телефон так и валяется отключенным, давно не используемый по прямому назначению. В нем лишь фонарик, навигатор, камера, программа для чтения электронных книг, плеер и... целая куча сообщений от Паши.

Теплого сладкого Паши из запретных воспоминаний, навечно спрятанных под непроглядным илом стыда.

Я до самого вечера разгребаю старье и хлам: узлы, баулы, ворохи чужих писем, подшивки истлевших газет.

Работы на месяц, и я впадаю в уныние до тех пор, пока Ирина Петровна не призывает меня на кухню, где мы до полуночи болтаем ни о чем под аккомпанемент звона чайных ложечек по фарфору и завываний ветра снаружи.

Спать ухожу в скверном настроении, а утром яркий солнечный луч бьет по сонным глазам.

За Ириной Петровной с щелчком закрывается дверь, я вскакиваю с кровати и прислушиваюсь. Так и есть: дождь прошел.

Судорожно мечусь по дому, привожу себя в порядок, хватаю трость и, путаясь в собственных кедах, ковыляю к калитке.

Я не знаю, где искать Сороку, но он нужен мне как воздух. От поверхности насыщенной влагой земли поднимается пар, капли росы сияют в траве, теплое солнце прогоняет озноб и прогревает почти остывшую кровь.

Через поле я иду к реке.

Завидев меня, вербы вздрагивают от невидимого ветерка, шепчутся и расступаются, словно в испуге.

От неясных предчувствий кровь разгоняется в венах на полную мощь. Я хочу освободиться, сбросить с плеч еще хотя бы малую часть груза.

Внезапный писк в ушах заглушает все остальные звуки и взрывается тишиной — я выхожу на высокий берег и зажимаюсь от солнечных бликов, мерцающих на маслянистой зеленой поверхности реки.

Оглядываюсь вокруг, с надеждой всматриваюсь в заросли и разочарованно вздыхаю: здесь никого нет.

Медленно опускаюсь на золотой песок, еще не просохший после затяжного дождя, расслабляю усталую спину и наблюдаю за движением воды — она утекает без возврата, скрывается из виду, проплывает мимо новых берегов. А я остаюсь в неизменной точке пространства, застыв в думах, погрязнув в них.

Нельзя войти в одну реку дважды.

А жаль. Жаль...

Я не знаю, сколько просидела в одиночестве на грани яви и сна, подставив стянутую шрамами кожу теплым лучам, но боковым зрением замечаю неясное движение и что-то светлое справа. Поднимаю взгляд, и облегчение проступает сле-

зами на глазах — Сорока, улыбаясь, садится рядом.

— Привет!

— Привет! Давно не виделись... — пишу я, и он соглашается:

— Да...

Наши ноги в потертых кедах болтаются над мутной водой. На том берегу отрывисто каркает ворона, за преградой из полувековых ветел начинается поле — километры зеленых просторов, за ним шоссе — дорога в большие города. В будущем, в мечты, в жизнь. А на этом берегу есть только тишина. Я и прошлое. И Сорока.

Я и не думала уже, что когда-нибудь снова буду нуждаться в общении с кем-то, что буду по кому-то скучать и радоваться моменту встречи.

Даже если сейчас парень предложит мне прогуляться по безлюдным окрестностям, я соглашусь. Пойду куда угодно. Опасения прошлых ночей улетучились вместе со здравым смыслом, исчезли в свете дня.

Но он молчит, жутко и загадочно.

И тогда прорывает меня.

— Миха, а давай номерами обменяемся? Ты же знаешь, как тут временами бывает скучно. Если бы у меня был твой телефон, мы могли бы просто поболтать... — Я сгораю от стыда, и Сорока глухо отзывается:

— Слушай, ну... у меня же... — Он трет бритый затылок.
— Девушка есть. Негоже раздавать номера другим девчон-

кам.

Я уже слышала о его мифической девушке — неведомой счастливнице, но именно сейчас невинная шутка вызывает обиду и злость.

— Как хочешь. Я больше ничего не стану выпрашивать у тебя!

Часто моргаю и отворачиваюсь.

Закусив губу, молча изучаю корявые корни, торчащие из разноцветной слоеной почвы обрыва, и горько усмехаюсь. При всем желании я не смогла бы произвести впечатление на мальчика, ведь от заносчивой красотки Влады не осталось и следа.

— Стоп. Так не пойдет! — Спohватившись, Сорока примирительно поднимает руки. — Я бы дал тебе свой телефон! Правда! Но... у меня его нет.

— Не ври! — Я с сомнением смотрю в синие глаза — ледяную пустоту с темным дном. — В каком веке ты живешь?

— В двадцать первом! — ржет Сорока и, став серьезным, прищуривается: — Что тебя так разозлило? То, что я не дал свой номер? Или то, что у меня кто-то есть?

Я отвожу взгляд. Это происходит снова. Он ничего не рассказывает о себе, но прекрасно понимает, что я впала в зависимость от возможности вывернуться перед ним наизнанку ради секундного избавления от груза вины.

— А тебе кто-нибудь нравится? — не унимается Сорока, вторгаясь на запретную территорию, и я застываю. Если рас-

скажу — сломается еще один барьер, часть боли уйдет, я стану слабой и уязвимой, но освобожу разум для новых мыслей.

— Да... — Я решаюсь, и жар заливает щеки.

— Колись! — Сорока устраивается поудобнее, приготовившись слушать.

— В общем... был один парень. — Я глубоко вдыхаю и мучительно выдыхаю. — И есть. Но мы больше не общаемся.

— И что же он натворил? — любопытствует Сорока, но тут же исправляется под моим гневным взглядом: — Ладно, я не прошу подробностей!.. Как ты поняла, что влюбилась?

Он ждет, и я хватаюсь за спасительную рукоятку трости, собираясь с мыслями.

— Ну... я долгое время не знала, как правильно называется то, что я чувствую к нему. Просто мир становился ярче, когда он был рядом. Хотелось смеяться и плакать... Нравилось смотреть на него и слышать его голос, даже не вникая в смысл фраз. А говорил он всегда нужные слова, остроумно шутил, давал дельные советы, поддерживал. — Горло сдавливают слезы тоски и восторга. — Когда он был рядом, я чувствовала себя... странно. Я далеко не сразу поняла, что, возможно, влюблена. А потом...

— А потом?.. — напоминает Сорока, пристально глядя мне в глаза, и я выпаливаю:

— Да неважно. Мы давно расстались. После выписки из больницы я игнорирую его и не читаю его сообщения.

— Стало быть, он тоже тебя любит?.. — предполагает Со-

рока, и я в ужасе вскрикиваю:

— Ты больной??? — Костяшки обхвативших трость пальцев белеют, страх опалает все внутри: — Я же теперь инвалид. Монстр Франкенштейна! Посмотри на меня! Одна нога короче другой, на руках и на лбу заплатки, с ног содрана кожа... Я хожу с палочкой. Лол, я пенсию получаю!

Сорока сканирует мое лицо.

— Ну и что? — Он абсолютно спокоен. — Если парень продолжает тебя донимать, значит, ему все еще есть что сказать тебе.

Он пялится на меня с безмятежной снисходительностью, и я всхлипываю:

— Он роскошный мальчик. Он не для меня. Все это больше не для меня и должно остаться в прошлом, черт побери!

— Ты не права! — Сорока качает головой. — Ты ни фига не права! Просто послушай, что я скажу тебе!

В предвкушении узнать хоть что-то о нем, я подаюсь вперед, двигаюсь ближе, любопытство и азарт оживают в груди, но тут же улетучиваются от сквозняка разочарования, потому что Сорока объявляет:

— Я люблю свою девушку! — Со смертельной скукой гляжу на него, но он упрямо продолжает: — Каюсь, раньше я велся на броскую внешность, и Ксюху с первого взгляда не рассмотрел. Но однажды она засмеялась и... я забыл имя друга, находившегося рядом. Я видел только ее и тихо охреневал... Это было как вспышка молнии. В тот миг мне захотелось перевернуть реальность. — Сорока мучительно подбирает слова, и лицо его светлеет: — Блин. Вот представь, ты живешь в большом сером городе, ходишь по его грязным улицам, без перспектив, без денег, но внутри тебя бушует любовь. И ты чувствуешь себя невьё... кхм... очень крутым красавчиком, которому все под силу, а любое море — по колено. В драке ты бьешь точнее, убегаешь от ментов проворнее, учебники в шараге читаешь внимательнее, потому что тебе есть за что бороться. Есть что терять. Есть к чему стремиться. Ты уступаешь место женщинам в транспорте или переводишь бабушек через оживленную улицу, потому что хочешь, чтобы хорошего вокруг стало чуть больше. Хочешь, чтобы ОНА жила в мире, где добро обязательно победит. Да,

я мало что могу, но я хочу, чтобы ее разноцветные волосы развевались по ветру, чтобы она вплетала в них свои колокольчики и смеялась так же, как тогда, в самый первый день. Чтобы была самым счастливым человеком на земле. Чтобы все ее мечты сбылись! И мне больше ничего не нужно. И дело не в каких-то ее или моих комплексах и предрассудках, не в том, красива ли она по общепринятым канонам... Я выбрал ее. А она верит мне. Я никогда больше не посмотрю на других девчонок, потому что знаю теперь, что такое любовь. Любовь — это свет. Он дает надежду. И он сильнее смерти.

Сорока умолкает, погрузившись в неведомые, невероятные воспоминания. Солнечные лучи отражаются от белой футболки, делая ее нестерпимо яркой, и я отворачиваюсь. Глаза печет, легкий ветерок непривычно холодит щеки. Быстро провожу ладонью по лицу и обнаруживаю на ней мокрый след.

Я тоже чувствую этот свет — душа заходится, сердце замирает. Факт, что у Сороки есть девушка, больше не задевает меня. Я рада за них, счастлива от того, что такая любовь существует, а мне представилась возможность погреться в ее лучах. Посидеть рядом...

— Что, завидно? — Сорока поднимает хмурый взгляд и усмехается. — Но ты такого не достойна.

Я теряю дар речи. Жгучая обида вмиг вытесняет из души тепло, перечеркнув любой намек на зарождающуюся дружбу.

Рукоятка трости вот-вот переломится под нажимом пальцев, я с трудом ослабляю хватку.

Он прав.

Насухо вытираю покрасневшие глаза и соглашаюсь:

— Я знаю. Об этом и толкую.

Сорока обреченно качает головой:

— Да не о том я!.. Ты слишком заиклена на себе и лишаешь любящего тебя человека права быть счастливым. Лишаешь надежды.

Я растерянно моргаю и пытаюсь возражать, но он протестующе машет рукой:

— Сейчас ты скажешь, что шрамы — твоя веская причина тусоваться тут, в глухомани, динамить бывшего и корчить из себя страдальцу, пусть так. Но подумай на досуге: если чувак до сих пор не отказался от тебя, это что-то да значит, а? Не кивай на раны, не прикрывайся ими. Не решай за других... Знаешь, я сочувствую ему. Вот я бы никогда не влюбился в тебя. Не потому, что ты ходишь с палочкой. Просто ты не хочешь, чтобы тебя любили. — Он сплевывает, быстро встает и проходится вдоль берега.

А я остаюсь с открытым ртом и с осознанием. Я уродлива не потому, что на теле шрамы. Все гораздо хуже... И этого не спрятать.

Зеленые кроны, узловатые стволы, песчаный берег, поросший пучками травы, синее небо в сетке гибких ветвей — все приходит в движение, плывет и качается. Крупная дрожь

сотрясает плечи — я беззвучно плачу, слезы искажают картинку яркого июньского дня.

Сорока, просунув большие пальцы в шлевки джинсов, стоит над водой в нескольких метрах от меня.

Как же я ненавижу его сейчас!

Тело горит от чудовищной боли.

— Действительно. — С моих онемевших губ слетает чужой хриплый голос. — Жизнь и решения других людей не должны зависеть от меня. Ничто в этом мире и не зависит от меня. Я ничего не могу изменить, ничего не в состоянии исправить, и это ужасно. Я отстранилась от близких, оттолкнула их и заставила принять это... Но я просто... пытаюсь казаться сильной. И мне верят, ведь издали не заметно, как обстоят мои дела. А на самом деле я жалкая. Ты понял это, как только приблизился. Я жалкая. Ну так пожалей меня?!

Последняя фраза отдается в висках, потому что я кричу.

Светлый смазанный силуэт быстро приближается, Сорока садится на корточки, и его шепот раздается над ухом:

— А при чем здесь я? Ты прекрасно знаешь, кто сможет тебя утешить. И ему наплевать на твои шрамы...

Я в ужасе мотаю головой.

Полный бред.

Паша продолжает писать мне лишь потому, что в очередной раз старается сохранить хорошую мину при плохой игре.

Но Сорока не затыкается:

— ...А раны будут болеть всегда. Как напоминание, что

ты жива. Ты жива!

Я кусаю губу, оборачиваюсь и натыкаюсь на растерянные синие глаза.

— Не обижайся... Сказал как есть, — оправдывается Сорока. — Я всегда говорю то, что думаю.

Он намеренно спровоцировал мою истерику, выволок наружу секреты и избавил от них, промыл мозги, сделав невыносимо больно, но мне по инерции хочется посильнее ударить в ответ.

— Эй, Сорока! Ну а твоя Ксюха... где она сейчас? — Я улыбаюсь, приторно и поддельно, но проваливаюсь в черно-синюю пустоту его глаз и в панике иду ко дну.

Сорока отводит взгляд.

— Дома, в городе... — Он увиливает, и я накипаю:

— А почему же ты тусуешься здесь, в глухомани? Прячешься от чего-то? Почему ты не в городе, не с ней?..

Над берегом повисает тишина.

В ушах пощелкивает, от пережитого волнения мерзкая холодная слабость расплзается по конечностям, кровь отливает от лица. Я жду ответа, но Сорока резким движением смахивает надоевшую челку, встает и вновь отходит подальше. Разговор окончен.

Мои попытки узнать о нем хоть что-то снова потерпели фиаско.

Утопив в мягкий песок верную трость, неловко поднимаюсь и сообщаю:

— Мне пора. Как бы там ни было... Извини. И спасибо!

— Ага, — отзывается он, — еще увидимся. Пока.

Остаток дня пребываю в дурном настроении — пытаюсь читать, смотреть сериал, убираться, стирать, готовить. Но слова Сороки настигают везде и клюют в темя. Я жалею себя. Я отталкиваю от себя людей. Я прячусь. Позорно прячусь.

Вскакиваю и ковыляю в темный сырой чулан — там кипы старых газет ждут момента, когда Ирина Петровна снова отправит меня отбывать трудовую повинность. Замирая от омерзения, смахиваю тряпкой сухие крылья насекомых и лапки пауков, формирую из истлевших листов стопку, перевязываю ее бечевкой и волоку к веранде.

Опускаюсь на колени, просовываю газеты в мангал, щедро лью сверху жидкость для розжига огня и чиркаю каминной спичкой.

Пламя искрами взвивается в воздух, незнакомые люди на фотографиях съеживаются и поглощаются жадной чернотой.

Всколыхнувшиеся ассоциации пробуждают воспоминания: непроглядный мрак летнего леса, синий купол палатки с отсветами костра. Я сижу на резиновой «точке» и фокусирую зрение то на котелке с остывшей лапшой, то на початой бутылке коньяка, то на гитаре и длинных пальцах Паши.

Мы ушли в поход с ночевкой, а теперь пьяны и орем в черную пустоту песни, срывая голоса. Стася, подняв к небесам

тонкие руки, танцует — ее движения, то плавные, то отрывистые, наполнены страстью, лицо спокойно, будто она погружена в транс или глубокий сон. На хрупких запястьях гремят браслеты, светлые волосы разметались по плечам и спине. Она прекрасна.

Песня кончается, гитара смолкает, над поляной повисает тишина. Паша, забыв обо всем, любит Стасей... Долго-долго. Перехватив мой взгляд, он волшебным образом улыбается и, растягивая слова, предлагает:

— Давайте еще споем!

Это было в прошлом июне. Прощальная вечеринка перед отъездом на практику. Последние сутки нашей дружбы.

Тогда, будучи еще здоровой и нормальной, я в очередной раз задалась вопросом, почему Паша тусуется с нами.

И ответ прожег, как отлетевшая от пламени искра.

...Из-за Стаси. Ну конечно же!

Он был с нами из-за ее обаяния и тонкой неземной красоты.

Так и есть.

Я подбрасываю спичку в мангал, и она разделяет незавидную участь старых газет.

Паша не выбирал меня. Он не мог выбрать меня.

А этот позер, диванный психолог Сорока, ни черта не знает о жизни, не разбирается в мотивах и поступках людей.

Вытянув покалеченные ноги, я скучаю под навесом веранды и смотрю на далекий лес, подернутый голубой дымкой, на белые громады облаков в прозрачном небе, на суетливых трясогузок, которые прыгают по проводам, натянутым между столбами.

Из-за жары и влажности тяжело дышится, испарина выступает на коже мелкими каплями, глаза слипаются — в знойные предзакатные часы даже собаки не лают в соседних дворах.

Меня все еще потряхивает от злости и обиды на Сороку. И на себя.

Нет, я злюсь только на себя.

А взбудораженные разговором воспоминания о Паше, которые я так пыталась подавить, вытесняют из головы все другие размышления и думы.

Интересно, как он сейчас живет?

Впервые мы со Стасей увидели его в год окончания школы, летним солнечным утром в фойе колледжа искусства и культуры — у мамы не было денег на дорогостоящие вузы, впрочем, мы бы все равно подали документы именно туда. Хохоча и прикалываясь, мы пробирались сквозь шумную толпу к выходу, когда Стася дернула меня за рукав.

— Глянь, какой качественный мальчик! — В ее взгляде

читался шок.

Я тоже обернулась — возле столов приемной комиссии стоял растерянный высокий парень с идеально красивым лицом. Он машинально смахнул со лба русую челку, отливающую медью, и я заглянула в медовую глубину его огромных глаз... Кажется, я выругалась, забыла закрыть рот и так и стояла на месте, пока Стася тайком щелкала камерой телефона и тихонько скулила.

Мы очень быстро выяснили, что зовут красавчика Паша, что он играет на аккордеоне и даже является лауреатом каких-то конкурсов, узнали, в какой группе он будет учиться, разыскали его страницы в соцсетях. На них он не представал таким уж неземным: как и мы, мотался по заброшкам и концертам в клубах, выпивал, тусовался с разными людьми. Когда нужны были деньги — играл в парке вальсы, но больше тяготел к гитаре. Так что в сентябре мы без всякого пиетета решительно подвалили к нему и познакомились. Или он к нам... не суть.

Вокруг нас всегда вертелись интересные личности — творческие, веселые и своеобразные, но Паша выделялся из толпы вечной готовностью прийти на помощь, рассудить, утешить, помочь. Скромность, воспитанность и легкую аристократическую отстраненность он не утрачивал, даже будучи пьяным в хлам, и это было удивительно. Когда мы удрали от мамы, Паша собственноручно притащил из отцовского гаража старый кухонный стол, табуретки, телевизор и про-

чие необходимые в быту предметы. Он же приносил нам еду, когда у Стаси не было заказов, а меня выгоняли с очередной подработки и в нашем пустом холодильнике вешалась мышь.

Паша подписывался на любые авантюры, в любое время суток был готов сорваться из дома, у него всегда водились карманные деньги... А еще он одной улыбкой мог расплавить айсберг и расположить к себе абсолютно любого человека.

Незаметно мы трое стали неразлучными.

— Клево. Ты наша подруга, только мальчик! — смеялась Стася, вплетая в его длинную челку атласные розочки канзаши, которые мы с успехом научились делать, а он хохотал, лежа на ее коленях.

В первый год знакомства Паша периодически выпадал из нашего поля зрения, а потом в профиле какой-нибудь курицы из колледжа всплывали их совместные фотки в декорациях популярного в городе паба. Но в понедельник Паша неизменно заявлялся к нам с помятым виноватым лицом и терпеливо сносил все подколы и шутки. Постепенно его загулы прекратились, и мы стали тусоваться вместе семь дней в неделю.

Это Стася придумала для него образ парижского мима для выступлений в парке. А я когда-то собственноручно наносила ему белила на лицо...

После тех посиделок с костром и шаманскими танцами сестры мы разлучились на долгие недели — разъехались по

разным концам области.

В прошлом июне — таком же жарком и тоскливом, я впервые узнала, каково это — скучать... Душу тянуло и пекло, я не находила себе места, рвалась домой, считала дни до отъезда. Мне не хватало сестры — я ночами ревела в подушку, и мой опухший вид вызывал у Ирины Петровны массу вопросов. А еще мне не хватало Паши. Настолько сильно, что я тронулась умом. Мне больше не хотелось делить его с сестрой, не хотелось, чтобы он так восторженно смотрел на нее, не хотелось, чтобы он писал ей, отвечал на ее сообщения, смеялся над ее шутками, обнимал ее и улыбался ей. Потому что он стал для меня важнее, чем Стася...

Один мимолетный несерьезный разговор с Ириной Петровной расставил все точки над *i* — я наконец призналась себе в очевидном. Я влюбилась. Давно и бесповоротно.

Судорожно вздыхаю, и пустая болезненная реальность настигает меня: я снова в том же времени года и в том же месте, только триста шестьдесят пять кошмарных дней спустя все здесь непоправимо изменилось. Опираюсь спиной на плетеный подлокотник садовой скамейки и закрываю глаза.

Мой отъезд отсюда напоминал бегство: небрежно побросав вещи в сумку, я опрометью бросилась к станции, как только Паша сообщил в чате, что приедет в город на неделю раньше, чем планировал изначально.

Стася донимала меня печальными смайликами и ныла, что не может оставить незаконченные картины, а я тряслась

в поезде, в панике сочиняя слова, которые скажу Паше.

Мне нужно было признаться ему в странном разрушающем чувстве, не поддающемся контролю, освободиться точно так же, как сейчас я освобождаю душу и разум от неизбывной боли в разговорах с Сорокой... Мне, черт возьми, нужно было опередить сестру.

Воспоминания, недавно уже навещавшие меня, вспыхивают снова: ранний вечер, усталый город и выгоревшее солнце за высоким пыльным окном кафе, бумажный стаканчик с кофе, салфетки, мои разноцветные ногти, нервно постукивающие по поверхности столика, пальцы, сжимающие браслеты... Я почти ничего не видела от удушающего волнения и ужаса.

Шум торгового центра и голоса людей влетели в раскрывшуюся дверь, Паша — высокий, загорелый, чужой и такой знакомый — вошел в душный зал и направился прямо ко мне. Мир вокруг покачнулся.

Он занял стул напротив и улыбнулся:

— Привет...

А я едва осталась в сознании.

Я запрещаю себе думать об этом, но сон побеждает — скывает, лишает воли и возможности влиять на происходящее, затягивая меня в цветную картинку давно прошедшего дня.

— Привет, — киваю я Паше, стараясь вести себя как обычно, — офигеть, как же долго мы не виделись... Давай, рассказывай, как прошла практика!

— Уф... — Паша театрально вздыхает, и почти достоверное возмущение сияет в теплых бездонных глазах. — Кажется, я получил свои пятнадцать минут славы. Был приглашенной звездой на празднике в каждой деревне района! Развлекал гостей на свадьбе дочки местного фермера! Играл для бабушек в сельских клубах! Словил звездную болезнь и покатился по наклонной: начал требовать президентский люкс, лимузин, трех молоденьких шлюх в номер... Один фиг, расплачивались со мной пирогами, яйцами и самогоном! Но теперь я точно могу сказать тебе... Влада! Я. Ненавижу. Этот. Гребаный. Аккордеон!

Высказавшись, Паша торжественно откидывается на пластиковую спинку, уводит из-под моего носа стаканчик и отпивает добрую половину. Я улыбаюсь сквозь слезы: именно этого придурка мне так не хватало рядом!

— А ты как? Старые ведьмы поделились с тобой древни-

ми знаниями? — Паша перехватывает мой взгляд, прищуривается и подается вперед: — Эй, ты чего?

Над столиком повисает тишина, Паша растерянно наблюдает за мной. Никогда я еще не чувствовала себя так глупо...

— Я скучала... — хриплю я, и тут же отворачиваюсь к окну — за мутным стеклом далеко внизу блестит река, по шоссе ползут разморенные автомобили и троллейбусы.

— Я тоже скучал, — буднично отзывается Паша.

Заправляю за уши разноцветные пряди, хватаю салфетку, складываю ее пополам и разглаживаю края до остроты лезвий.

— Ты не понимаешь. Я скучала по тебе! — Бросаю свое бесполезное занятие, быстро смахиваю с покрасневшей щеки скатившуюся каплю, но не рискую смотреть на Пашу.

И снова слышу настойчивое:

— Я тоже!

Его ладонь ложится на мои нервные пальцы и удерживает их.

Я не верю своим ушам, не верю в то, что происходит — должно быть, органы чувств глючат и обманывают меня.

Дергаюсь, верчу головой в поисках рюкзака. Самое время сбежать и больше не показываться Паше на глаза, но он ловит и вторую мою руку.

— Эй... — Он заставляет меня взглянуть на него, наклоняется ближе и шепчет: — Влада, я тоже скучал по тебе. Именно по тебе.

Сердце взрывается, и в самый совершенный и правильный момент моей жизни внезапно вклиниваются посторонние звуки: рев культиватора, крик петуха, шум ветра в кронах яблонь. Сон растворяется, я резко распахиваю глаза и тут же заслоняюсь от солнца предплечьем.

Кровь все еще грохочет в висках, но кислое разочарование расплзается по сломанному телу.

Как я могла уснуть в такой час? Прямо на скамейке...

Рассудок помутился от сна, и слова Сороки о Паше больше не кажутся абсурдными. Я хватаюсь за эту почти преступную мысль, даю волю воспоминаниям, и они обрушиваются со всех сторон, не встречая барьеров.

— Я сразу запал на тебя, — внушал мне Паша, сжимая пальцы. — Но, блин, ты не замечала меня. Я не знал, как ты отреагируешь. Не решался. И с каждым днем все сильнее казалось, что признание неуместно и тупо никому не нужно. Прости! Но теперь уже нет смысла скрывать, ведь так?

Я смотрела на лучшего друга и задыхалась, понимая, насколько сильно он изменился сейчас — вместо смешливого пофигиста напротив сидел прекрасный и до дрожи опасный парень, и в его расширенных зрачках горело отчаяние и готовность пойти на все.

И у меня окончательно снесло крышу.

Я покидала кофейню как в тумане — осторожно, словно по тонкому льду, шла за Пашей, и электричество покалывало наши сцепленные ладони.

Не сговариваясь, мы влезли в забитый до отказа автобус. Толпа давила со всех сторон, а Паша стоял очень близко. Выбора не было — я уперлась подбородком в его плечо и тут же почувствовала осторожные руки на талии. Я закрыла глаза и крепко обняла его в ответ.

Мы висли друг на друге и раньше — миллионы раз, но сейчас мои ватные ноги подкашивались, а Паша не мог справиться с дрожью.

От него обалденно пахло. Его дыхание обжигало мою щеку, висок, лоб, а потом обожгло и губы.

Мы целовались в час пик в переполненном салоне, не задавая себе никаких вопросов — все было естественно и так очевидно... Мы ехали в мою ветхую, ненадолго свободную от посторонних квартиру.

Все вышло из-под контроля.

Я надавливаю пальцами на веки, хлопаю себя по щекам, сажусь и, борясь с секундным головокружением, облокачиваюсь на доски стола. Долго разглядываю блестящую букашку, отважно преодолевающую борозды коричневых мертвых волокон и бегущую по кругу в их лабиринтах.

Нужно остановиться: не ковырять раны, не будить ненужную надежду, не думать о возможном и невозможном, но я — с подачи Сороки — продолжаю издеваться над собой и вытаскивать на поверхность то, что почти год было погребено очень глубоко...

Все, что потом происходило между нами в той квартире,

было для меня странным и новым, но скованности, недоверия, страха и боли не было. Разум то прояснялся, то затуманивался от осознания: я с Пашей, и мы... Мы будем вместе всегда.

Утром он ушел, а я погрузилась в состояние, которое, должно быть, бывает только после приема тяжелых наркотиков — лишившись равновесия и ориентиров в пространстве, сшибала углы, с опозданием реагировала на звуки, находила себя в самых неожиданных местах квартиры, а мысли возвращались к его глазам, рукам, губам, прикосновениям.

Я литрами глушила кофе, грызла ногти, смеялась и плакала, задыхалась от восторга и разочарования, мучительно ожидая звонка в дверь.

Вечером Паша вернулся. Он смотрел на меня тем же взглядом слетевшего с катушек маньяка, что и накануне, и все завертелось с новой силой.

Это продолжалось неделю. Мы мотались по всем нашим местам: крышам, скверам, заброшкам, кафешкам, но теперь уже только вдвоем, заново открывали их, неистово целуясь и никого вокруг не замечая. Или же сутками не выходили из дома, не утруждаясь одеться. Я даже не помню, разговаривали ли мы о чем-нибудь... Ели ли вообще? Спали?

Тяжко вздыхаю, сгорбившись, упираюсь залатанным лбом в пыльную столешницу веранды и сжимаю кулаки.

Стася продолжала забрасывать общий чат сообщениями, что скучает и считает минуты до встречи, а мы отвечали ей,

лежа под одним одеялом и давясь от смеха. Или, чаще всего, просто игнорировали ее, отключив звук оповещений.

Иногда я посматривала на пустую кровать сестры, с досадой и злорадством вонзая ногти в Пашину спину, и мысли о мечтательном взгляде голубых глаз, которым она очень часто смотрела на моего парня, тут же рассеивались вместе с угрызениями совести.

Как только мама смирилась и оставила меня после выписки в убогой, но ярко украшенной комнате одну, я поняла, что не справлюсь. Без Стаси невозможно было просыпаться каждое утро, жить и дышать. Мир потух.

Я нашла выход — принялась старательно возводить вокруг себя стену отчуждения, взращивала в душе равнодушие и апатию, подавляла любые эмоции. Намеренно не шла на контакт со знакомыми, не отвечала на сообщения, блокировала страницы в соцсетях, поспешно переходила на другую сторону улицы, заведя кого-то из прошлого. А тех, кто продолжал лезть в мою новую жизнь, я попросту отшвырнула от себя.

Мне казалось, так будет лучше: я понесу заслуженное наказание, не обременю никого своей инвалидностью, не вызову сочувствия, не услышу обвинений в свой адрес.

Я готова была биться об заклад, что в тех реалиях все делала правильно, но Сорока уверен, что это не так.

Разговоры с ним возымели странный эффект: он неосторожно столкнул меня в пучину паники, ужаса и пугающих мыслей, и она вот-вот сомкнется над головой, но я чувствую эйфорию, словно вернулась в родную среду.

...Некоторое время процесс превращения в хикки не давал сбоев: я сидела дома, завернувшись в плед, и невидящи-

ми глазами следила за завихрениями узоров на пожелтевших обоях. Но сердобольная бабка — хозяйка халупы — зачистила с яблочками и апельсинами, гребаным тупым сочувствием и разговорами по душам. Она даже позволила «бедной-несчастной» инвалидке жить в квартире бесплатно до тех пор, пока не найдутся еще какие-нибудь психи, желающие снять почти непригодное для нормального функционирования жилье. Только это обстоятельство останавливало меня от умышленного убийства с особой жестокостью — улыбаясь, я благодарила ее, увиливала от прямых ответов и переводила разговор на тяжелую бабкину жизнь.

Опустив до глаз капюшон, я до нестерпимой боли в искалеченных ногах бродила по городу. В моей памяти он остался родным и знакомым — молодым, просторным и солнечным. Я любила его, росла в нем, выросла, влюблялась, рвалась на заполненные воздухом улицы и возвращалась домой с ворохом впечатлений. А после больницы он стал похож на серого многоголового монстра, раскинувшего мертвые щупальца проспектов и бульваров среди промерзших бескрайних полей. Пустые дворы и площади обдували холодные ветры, до середины весны мели метели, снег завалил крыши, не оставляя никаких надежд на лучшее.

Так было лучше для меня.

Но в апреле на улицы вылез разношерстный и яркий народ — греясь в первых теплых лучах, заполонил скверы и парки, облепил беседки и лавочки. И в каждой смеющейся

троице юных прохожих я видела нас — те же улыбки, шутки, смех... Те же прически, шмотки и рюкзаки. В ушах щелкало и пищало, я окликала знакомых незнакомцев, но они проходили мимо меня. По мне. Сквозь меня. И я еще долго не могла прийти в норму, вернувшись в квартиру — в царство Стасиных вещей, обжигающих тайн и навязчивой тишины.

Едва апатия отключалась под напором здравого смысла, я со всей тяжестью ощущала боль и осознавала, что не могу больше находиться в тех стенах. В том городе. Я сходила с ума.

Именно поэтому в один из вечеров я написала Ирине Петровне, схватила сумку и сбежала. Да, я сбежала — мама права.

Я сделала это в попытке выбраться с того света. Или окончательно уйти на тот свет. И только Сорока, внезапно встретившийся на безлюдном пути в никуда, знал, как вернуть меня обратно... А моя иррациональная зависимость от разговоров с этим странным, почти незнакомым парнем — все тот же инстинкт самосохранения. Он включается помимо воли и не поддается осмыслению.

Осторожно встаю на затекшие ноги, покидаю веранду и возвращаюсь в сумрачную прохладу дома. Наполняю холодной водой стакан, медленно выпиваю ее и стираю с глаз невесть откуда взявшиеся слезы.

Еле слышно гудит холодильник, кружевные салфеточки и фарфоровые чашки притаились на кухонном столе, за ко-

торым было сказано столько ничего не значащих, но таких нужных, добрых и теплых слов...

Я ковыляю в комнату, сажусь на кровать и гипнотизирую взглядом лежащий на комодке телефон. Он успел покрыться слоем пыли — на пластике остаются черные следы, когда я хватаю его. Нажимаю на экран непослушным пальцем, нахожу мессенджер и жду пару долгих вдохов.

На тусклом фоне отображается список контактов: знакомые и однокурсники, поклонники и недруги, непонятные левые придурки со случайных вписок.

Стася с букетом белых роз и последний смайлик от нее.

Неотразимый улыбчивый Паша... И почти тысяча непрочитанных сообщений напротив его имени.

— Неужели ты действительно сделал выбор? Навсегда... Неужели Сорока прав и такое возможно? — Я шмыгаю носом и открываю заброшенный диалог. Всей душой желаю, чтобы в нем Паша объявил наконец, что встретил другую, а еще лучше — в очередной раз просто послал меня... Но загрузившиеся сообщения не содержат слов — там только фотографии.

Закат, покрытая мхом крыша, виды на городские дали. Бутылка вина, сигарета, гитара и знакомые кеды. Лес и костер, лавочка в сквере, тот самый столик в кафе, брусчатка с нарисованными мелом рожицами, стены покинутого долгостроя, по этажам которого все еще летает эхо наших голосов. Черная перевернутая шляпа с горстью мелочи и мелки-

ми банкнотами внутри, скамейка в обвитой плющом беседке, луна над Пашиным домом, бумажный самолетик, летящий в небо с железнодорожного моста... Все самые яркие, самые радостные места, запомнившие нас троих.

Теперь мой потерянный друг проводит там время один.

Грудь сдавливает тоска, я плачу навзрыд, реву в голос, отчуждение и заторможенность тают, как сугроб в апрельский день, а еще одну освободившуюся часть души и разума заполняют хорошо забытые эмоции и мысли.

Я ведь люблю его. Я все еще люблю его, но ответственность за гибель сестры лежит на наших плечах.

Чертов всезнающий и всепонимающий Сорока!

Углубляюсь в дорожную сумку, нашариваю в ней олимпийку, набрасываю ее на спину и завязываю рукава у шеи. Оранжевые лучи проникают в комнату через окно крыши — медленно приближается вечер, но Ирины Петровны все еще нет.

Мне неважно сидеть дома.

Забираю трость, иду в коридор, с трудом обуваюсь и направляюсь к калитке.

Мне нужно о многом подумать, многое заново принять, попробовать жить с этим, пусть даже от боли придется дышать через раз.

Длинная синяя тень протянулась на десятки метров вперед, спотыкаясь и упрямо кусая губы, я продираюсь сквозь борозды поля в жуткое заброшенное место с ржавыми осто-

вами плугов и водонапорной башней, вырастающей из холма.

Я хочу встретить там закат. Несмотря ни на что, я хочу поделиться им с Пашей.

С возвышения открывается удивительный вид на лоскутное одеяло леса, поле и озеро вдаль, и сознание включается в странную игру, пытаясь отыскать в безлюдной местности признаки присутствия человека. Раскинувшаяся внизу картина кажется мне нестерпимо знакомой, похожей на пейзаж, что мы почти каждый вечер наблюдали с крыши высотки. Только в городе в разноцветных густых кронах тонул старый микрорайон, а за полем блестело белое лезвие пруда.

Я сейчас как дома. Как дома год назад.

И кто-то все еще ждет меня и скучает за гранью несбыточных снов...

— И ты тут? — неожиданно раздается из-за плеча, я вздрагиваю и резко поднимаю голову.

Сорока бесшумно садится рядом, вытягивает вперед длинные ноги и упирается ладонями в теплую землю.

— Мы попрощались, — смеется он, — но ты, кажется, не вынесла разлуки.

— Я шла не к тебе! — Справляюсь с нахлынувшей слабостью и покалыванием в пятках и подавляю довольную улыбку: я несказанно рада его видеть.

— Хорошо. Хорошо, что не ко мне, — кивает Сорока, в его ледяных глазах дьявольским огнем отражается оранжевое предзакатное солнце, и иголка дискомфорта пронзает

мое обугленное сердце.

Я съеживаюсь, но Сорока широко и безмятежно улыбается:

— Это значит, что ты задумалась о чем-то важном. Значит, тебе больше не нужны советы постороннего стремного типа для того, чтобы разобраться в себе...

— Что ты вообще делаешь здесь? — перебиваю невпопад, и Сорока напрягается.

— Если честно, я шел за тобой от самой околицы. Ладно. Прости, что помешал! — Он собирается встать и уйти, и я тут же вскрикиваю:

— Останься!

Сорока удивленно поднимает бровь и прищуривается. Повисает неловкая тишина. Он мучительно раздумывает над чем-то, а я густо краснею.

Что я делаю? Вцепилась в парня: грузу его, изливаю душу, навязываюсь, отвлекаю... У него полно и своих проблем — это видно, но он тратит время на общение со мной.

— На самом деле... — пишу я, прочищаю горло и продолжаю увереннее, — я думала. Много думала над твоими словами. И я хочу рассказать тебе о причине, приведшей меня сюда.

Он ложится на траву и смотрит в полинявшее к вечеру небо:

— Валяй!

Бросаю взгляд на его упрямый подбородок, на грудь, об-

тянутую белой трикотажной тканью, на вены, проступающие на руках и несущие кровь к запястьям и длинным пальцам.

Страшная ассоциация взрывается в голове, в глазах на миг темнеет, я отшатываюсь и часто моргаю.

Негоже пялиться на людей. Тем более мне — запутавшейся, искалеченной дуре.

— Ну? — напоминает Сорока, и я собираюсь с мыслями.

— Речь пойдет о том парне. О Паше. — Мне тяжело про-
износить вслух то, что я запрещала себе даже обдумывать,
но я намеренно выворачиваюсь перед Сорокой. — Я, он и
сестра были лучшими друзьями. До тех пор пока я не при-
зналась ему в любви, а он не ответил, что чувства давно вза-
имны. Наш роман был коротким, но бурным. Наверное, мое
состояние тогда действительно походило на то, о чем гово-
рил ты: я летала по воздуху, ничего не соображала, мир си-
ял, и только Паша был нужен мне двадцать четыре на семь...
И это было ужасно.

— Да неужели? — с сарказмом уточняет Сорока, поворачи-
вается на бок и подпирает ладонью щеку. Сквозь его рез-
кие черты проступает раздражение, и я убеждаю:

— Это так! Если бы не наша бездумная интрижка, сест-
ра была бы жива. Если бы не желания, которые я не смогла
побороть, все было бы хорошо! Стася... она ничего не зна-
ла о нас. Перед ее возвращением я умоляла Пашу держать
язык за зубами. Он не хотел этого делать, и мы поссорились.
Сильно. В истерике я даже врезала ему... Почему? — опе-

режаю я назревший у Сороки вопрос и выплевываю обжигающие слова, — да потому, что я видела, как сестра всегда смотрела на него. Я видела, как он смотрел на нее. Она была красивее, талантливее, искреннее и чище меня. Она была лучше меня во всем! Они лучше ладили и больше подходили друг другу!.. Я родилась раньше на двадцать минут и с ясельной группы детского сада защищала Стасю от обидчиков, дралась за нее и стояла горой. А потом я так запросто предала ее — воспользовалась отъездом и впервые в жизни перетянула одеяло на себя. И мысль держать наш роман с Пашей в тайне возникла только потому, что я боялась. Боялась, что она щелкнет пальцами и он забудет обо мне. Ну и кто я после этого, а?..

Сорока проводит ладонью по челке и снова ложится на траву. Я не могу определить, слушает ли он меня, но остановиться не могу тоже.

— Я, Паша и Стася продолжили тусоваться втроем, почти как раньше. С той лишь разницей, что двое из нас лапали и щипали друг друга, целовались и дебилно хихикали, когда третья отворачивалась или выходила из комнаты. Мы обманывали, избегали, врали, краснели... Паша больше не заикался о любви: кажется, он так и не простил мне тот скандал, а я начала ненавидеть сестру. Она мешала, не давала уединиться, постоянно таскалась за нами, и меня бесили ее прозрачные, наивные удивленные глаза. Я огрызалась, игнорировала ее, обижала, и Стася не понимала, за что я поступаю с ней

так... Все это время Паша не оставлял меня в покое — до-
нимал сообщениями, зажимал в углах. Закончилось лето, а
осенью дошло до того, что... — Я давлюсь и глотаю горький
скользкий ком, выросший в горле. — Мы нашли выход. В
колледже Паша сбрасывал мне сообщение, когда выходил в
коридор, я тоже отпрашивалась с занятий... Мы бежали в
пустую аудиторию или туалет и... В общем, все это было до-
вольно грязно.

Резко выдыхаюсь и замолкаю, но Сорока с интересом ждет
продолжения — кривая похабная улыбочка расплывается на
его лице.

— А парень-то не дурак... — глумится он. — Да и ты не
промах...

— Да пошел ты! — Я взвиваюсь, но не обижаюсь всерьез.
Сорока специально выводит меня из себя, дает возможность
увидеть ситуацию под другим углом. И никогда не станет жа-
леть.

— Как-то раз я застала сестру за любимым занятием: она
сидела на подоконнике и складывала бумажные самолетики.
Рядом с ней в ожидании полета скопилась кучка уже готовых
— на их крыльях маркером были написаны мысли, пожела-
ния, мечты. Я машинально взяла один и развернула, и Ста-
ся не успела выхватить его из моих рук. Это было письмо.
Письмо для Паши. Письмо в никуда. Стася вложила в корот-
кие строчки душу, открыла сердце. Я не помню его дослов-
ного содержания, в память врезались только три банальных

слова. «Я тебя люблю».

У меня случился шок. Стаська, это чистое существо, смотрела на меня сквозь слезы, а я трясла ее за плечи и пыталась: «Как давно?!»

— Давно, — просто призналась она. — С первого курса. С первого взгляда.

— Почему же ты молчала? Ты ведь тоже ему нравилась... — пораженно шептала я, хотя все и так было понятно.

— Тогда бы не стало дружбы. Ты могла оказаться третьей лишней. Мы всегда были одной командой, я не могла предать тебя...

В тот же день в парке я выцепила Пашу и порвала с ним. Он собирался все рассказать Стасе, убеждал, что так будет правильнее, что нам нужно очистить совесть...

«Если она узнает о нас, я убью тебя, ушлепок!» — заорала я, и на сей раз он меня просто послал. Отвернулся и ушел, и, даже когда мы случайно встречались в колледже, не смотрел в мою сторону. Но продолжал общаться с моей сестрой.

Это было больно.

Он не выходил из моих мыслей ни на секунду, но больше не писал и не звонил. Я нашла новых приятелей, новую тусовку, новые развлечения — начала пить, отключала телефон и пропадала неделями... Приходила в себя на заднем сиденье такси, рядом сидели бледные Паша и Стася, вызволившие меня из очередных неприятностей. Я крыла их матом и рвалась черт знает куда, к веселым чувакам на сомни-

тельную вписку. И в день аварии... — Голос пропадает, раскаяние раздирает грудь, и я беззвучно признаюсь Сороке в том, что полгода мучит меня и убивает. — Стася села в машину к едва знакомым пьяным идиотам лишь потому, что боялась отпускать меня одну.

Я замолкаю и прячу глаза от настороженного синего взгляда. Я не заслуживаю сочувствия и не желаю его принимать.

— Клиническое отсутствие логики... — удрученно вздыхает Сорока и отворачивается, всматриваясь в пустое розовеющее небо. — Очевидно же, что в аварии виноват тот, кто вел машину, а не ты.

— Но... — Я пытаюсь возразить, но не нахожу слов.

Как бы ни походил этот пейзаж на картинки из привычной жизни, я выпала из нее, нахожусь посреди дикой природы, поглотившей все, что породила цивилизация, и мои тщательно выстроенные и правильные доводы рассыпаются прахом от тихой короткой фразы.

Легкий ветер с привкусом вчерашнего дождя рябью проходит по траве, я поправляю укрывающую спину олимпийку и с тревогой взираю на Сороку. Все живое вокруг молчит, зоркий глаз остывающего солнца над головой наливается кровью.

— Давай я расскажу тебе, как вижу. — Сорока садится и хлопает себя по коленям. — Ты влюбилась в чувака, чувак запал на тебя, все шло к «они жили долго и счастливо». Но — внимание! — тут подтянулись твои комплексы старшей сестры, и ты решила вдруг... уступить парня и благородно отойти в сторону. Ладно. Я сам такой же — чувствую ответственность за всех и вся. Но ты не спросила его мнения, прикрылась благими намерениями и просто выбросила,

как ненужную вещь. Вспомни свою сестру. Откинь всю наносную лабуду типа «о мертвых либо хорошо, либо никак» и подумай, так ли идеальна она была? Все мы движимы только своими страстями. Даже человек, стремящийся к недостижимым высотам, делает это в конечном итоге только ради себя — своего эго, душевного покоя, одобрения, денег, комфорта от мысли, что у близких все хорошо. У тебя была цель — любовь, ты пошла к ней, и никто не имел права стоять на твоём пути. Даже сестра. Видимо, не так уж она и хотела быть с вашим дружкой, раз изначально ничего не предпринимала...

Сорока обращает ко мне бледное усталое лицо, и безотчетная, невыносимая тоска инеем пробирается за пазуху.

Он здесь не просто так. Почему он здесь?..

— Глупо винить себя в том, в чем нет твоей вины. Все люди слабы. Ты не была причиной ее гибели, — дрогнувшим голосом продолжает Сорока, словно транслируя слова сестры, которые я так мучительно жду все эти кошмарные месяцы. — И интрижка ваша — тоже. Думаешь, сестра винила бы тебя в случившемся? Нет. Никто из нас не хотел бы, чтобы любимые страдали так, как сейчас страдаешь ты!

Первые за вечер слезы обжигают глаза, душу пронзают азарт, ужас и иррациональная уверенность в том, что этот парень способен ответить на все мои вопросы.

Я пытаюсь вдохнуть через спазмы и всхлипываю:

— Что же мне делать без нее, Сорока? В какую сторону двигаться дальше?

Я спрашиваю это у него, у Стаси, у себя...

И Сорока начинает орать:

— Ее уже нет. Нет! А ты добровольно отказываешься от будущего. Ты одной ногой в могиле. Но все твои жертвы бесполезные, глупые, жалкие. Она бы не оценила их. Не прикидывайся, будто не знаешь этого! — Он сжимает кулаки, фиксирует внимание на побелевших костяшках, замолкает и вдруг невпопад шепчет: — Вы делаете только хуже. Все вы...

Замерев, словно кролик перед удавом, я пытаюсь принять и осознать его слова. Сорока невидящим взглядом скользит по мне, моргает и, вздрогнув, приходит в себя:

— Какого черта ты вообще сидишь тут и разговариваешь со мной? Уезжай отсюда, вали в город. Перестань трусливо поджимать хвост, разыщи своего парня и будь счастлива! — Он вскакивает, нервно прохаживается по холму, прячет руки в карманы джинсов и застывает на фоне желтых и красных сполохов, словно каменное изваяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.